

Волшебное зеркальце

Быў сабе круль з крулевай і мелі адну дачку вельмі харошую. После ў караля жонка ўмерла, і ён ажаніўся з другою, харошчаю, як была першая; але дачка ад першей жонкі за яё харошчая. Аднаго разу жонка караля падышла да люстра і пытаецца: «Люстро, люстро! Чы харошая я?» — «Ты харошая, але твая пасербіца яшчэ харошчая!» — адказала люстро. Тая крулева казала лакею весці пасербіцу на спацыр, там яё забіць і прынесці на тарэлцы серца. Лакей зараз павёў кraleўну на спацыр, сказаў ёй ўсё, што казала крулева, і намейсцо кraleўны забіў сабаку, выняў серца і, палажыўшы на тарэлцу, аднёс да крулевай; а кraleўне сказаў, каб яна ішла, куды сабе хочэ.

Крулева вельмі была рада, што страціла сваю пасербіцу, ад сабе харошчую; а кraleўна, разстаўшыся з лакеем, пашла туды, куды панясуць очы. Ідзе яна дак ідзе — аж у лесе стаіць палац, аж там у ўсіх пакоях папрыбірано і нікога няма. Яна хадзіла па том палацы, хадзіла, аж прыязджаюць дванаццаць мужчын; а тые мужчыны былі дванаццаць братоў кraleвічаў, каторыя жылі ў летнім палацы. Хадзілі яны па ўсіх пакоях, аж у адном у самам астатнем знашлі панну. Разгледзеўшы яё, кожны з ней захацеў жаніцца; але як не маглі пагадзіцца, то узялі яё сабе за сястру і вельмі уважалі.

Тая крулева была пэўная, што пасербіцы няма; але аднаго раза, прэз цякавосць, падышла да люстра і запыталася: «Люстро, люстро! Чы харошая я?» — «Ты харошая, але твая пасербіца яшчэ харошчая — у дванаццаці братоў кraleвічаў». Крулева казала прывясці да сабе бабу-чараўніцу і, даўшы ёй многа грошэй, сказала: «Глядзі ты мне, кабы пасербіцы маёй ў тры дні не было!» — «Добра!» — сказала чараўніца, перабралася за крамарку і пашла. Прыходзіць да таго палацу, гдзе жыла кraleўна, аж там нікога боле не застала — толькі адну кraleўну, сядзеўшую пад акном. Кraleўна, ўбачыўшы бабу, казала зараз яё да сабе прывесці і стала разпытвацца: аткуль яна? «Я хаджу па свеце, каб што-небудзь зарабіць; я крамарка і маю да продання іголки, шпількі, персцёнкі і другія тавары». — «Ну, пакажы!» — сказала кraleўна. Тая баба зачала паказваць персцёнкі, і кraleўна адзін упадабала, заплаціла болей — колькі баба хацела, і адправіла яё. Доўго перабірала кraleўна той персцёнак, а после ўлажыла на палец. Як ўлажыла, так зрабілася нежывою.

Папрыязджалі браты з палявання і зараз пабеглі вітацца з сястрою. Выходзяць у яё пакой — аж яна ляжыць нежывая. Плакалі браты, плакалі, а после зачалі разбіраць, как улажыць другое адзене; толькі што яны зачалі разбіраць, аж адзін зняў персцёнак; як зняў персцёнак, дак кraleўна ажыла і, ўстаўшы,

сказала: «Як я смачно спала!» — «Ты ня спала, але была нежывая; цябе нехта ачараваў», — сказалі брацця. «Гэта, мусібыць, баба, ў каторай я купіла персцёнак, мяне ачаравала». Браты, на другі дзень выезджаючы, прыказалі, каб нікога да палацу не ўпускаць.

Крулева ізноў прышла да люстра пытацца, і тое таксама адказало, што «ты харошая, а твая пасербіца яшчэ харошчая». Зараз паслала крулева па тую чараўніцу і прыказала ей канечне страціць з свету пасербіцу. Тая баба перабралася за небарачку і пашла да палацу, гдзе жыла кraleўна. Падышла пад акно кraleўны і стала гаварыць пацяры. Кraleўна, пачуўшы, казала вынясці тры грошы і адправіць бабу. Лакей, каторы выносіў грошы бабе, быў ад яё загоджаны і падняўся ваткнуць шпільку, каторую дала баба. Той лакей аднаго дня, вымятаючы, нібыто знашоў шпільку, панёс яё да кraleўны і аддаў. Кraleўна думала, што гэта шпілька яё, ўзяла — ўлажыла ў галаву. Як толькі ўлажыла, дак і зрабілася нежывою. Браты, прыехаўшы, пашлі да яё пакою і там знашлі яё нежывую; зачалі разбіраць, і кraleўна не ажыла. Яны зрабілі для яё срэбную труну завязлі ў нейкі лес і там павесілі на адным дзераве.

Крулева, убіраючыся, ізноў запыталася ў люстра: чы харошая яна? І люстро адказало, што «ты найхарошчая ў цэлым свеце». Крулева была вельмі рада, што няма нікога, хто бы за яё быў харошчы. Аднаго дня ў том лесе, гдзе вісела ў труне кraleўна, паляваў нейкі кraleвіч здалёка. Сабакі кraleвіча, як загналіся за зайцамі, дак аж да той труны, гдзе вісела кraleўна. Кraleвіч паляцеў конно за сабакамі. Сабакі кінулі зайца і зачалі ўядаць на дзераво ўгору, гдзе вісела труна. Кraleвіч, зазлаваўшыся на сабак за тое, што кінулі зайца, паляцеў іх біць; але як пад'ехаў, дак бляск у вочы яму ўдарыў. Ён глянуў угору і ўбачыў срэбную труну; ён зараз паклікаў людзей і казаў тую труну зняць, улажыць на воз і вязці дадому, і там паставіць у яго пакоі — так, каб ніхто не бачыў. Людзі кraleвіча зараз знялі труну, адвезлі дадому кraleвіча і паставілі у яго пакоі.

На другі дзень і сам кraleвіч прыехаў дадому, зараз прышоў да свайго пакою, адчыніў труну і там убачыў вельмі харошую панну, і так у ней закахався, што нікуды не выходзіў. Радзіцы кraleвіча самы не ведалі, што рабіць, што такі сын нудны і ніяк не пушае нікога да свайго пакою. Аднаго дня ён сядзеў у сваём пакоі, а пасле ўзяў зняў верх ад труны і зачаў выбіраць шпількі з галавы і ўтыкаць у свой сурдут; і як выняў адну шпільку, дак панна і ажыла. Ён зачаў яё абнімаць і зачаў разпытвацца, што з нею было? Яна расказала кraleвічу аб усем і такжe яго палюбіла. Яны сідзелі ў сваём пакоі цэлы дзень, а назаўтра пашлі да радзіцаў, каб іх благаславілі. Прышоўшы туды, яны расказалі аб усем, і радзіцы вельмі былі рады, што сын развесяліўся, і іх паблагаславілі. У

нядзелю было вяселле, а па вяселлі паехалі да бацька кraleўны. Прыехаўшы да бацька, дачка расказала аб усем: як яё мачаха хацела страціць з свету, як яна была ў дванаццаці кraleвічаў, а пасле як яё знашоў кraleвіч і як яны пожаніліся. Бацька хацеў сваю жонку расцягнуць на жалезныя бороны, але дачка не пазволіла. Назаўтра быў бал, на каторым былі і тые дванаццаць кraleвічаў; і я там быў, мёд-віно піў, па барадзе цякло, а у роце не было.

211

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец; у него были сын, да дочь, да родной брат... В одно время собирается этот купец в чужие земли ехать, разные товары закупать, берёт с собой сына, а дома оставляет дочку; призывает он своего брата и говорит ему:

— Препоручаю тебе, любезный братец, весь мой дом и хозяйство и усердно прошу: присматривай построже за моей дочкою, учи её грамоте, а баловать не позволяй!

После того простился купец с братом и с дочерью и отправился в путь. А купеческая дочь была уж на возрасте и такой красоты неописанной, что хоть целый свет изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дяде нечистая дума в голову, не даёт ему ни днём, ни ночью покоя, стал он приставать к красной девице.

— Или, — говорит, — грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить; и сам пропаду и тебя убью!..

Пошла как-то девица в баню, дядя за нею — только в дверь, она хватъ полный таз кипятку и окатила его с головы до ног. Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная ненависть грызёт ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку? Думал-думал, взял да и написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает. Получил купец это письмо, прочитал и сильно разгневался; говорит сыну:

— Вот твоя сестра весь дом опозорила! Не хочу ж её миловать: поезжай сию минуту назад, изруби негодницу на мелкие части и на этом ноже привези её сердце. Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени!

Сын взял острый нож и поехал домой; приехал в свой родной город потихоньку, никому не сказываясь, и начал по сторонам разведывать: как живёт такая-то купеческая дочь? Все в один голос хвалят её — не нахвалятся: и тиха-то, и скромна, и бога знает, и добрых людей слушается. Разузнавши

всё, пошёл он к своей сестрице; та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает, целует:

— Милый братец! Как тебя господь принёс? Что наш родимый батюшка?

— Ах, милая сестрица, не спеши радоваться. Не к добру мой приезд: меня прислал батюшка, приказал твоё белое тело изрубить на мелкие части, сердце твоё вынуть да на этом ноже к нему доставить.

Сестра заплакала.

— Боже мой, — говорит, — за что такая немилость?

— А вот за что! — отвечал брат и рассказал ей о дядином письме.

— Ах, братец, я ни в чём не виновна!

Купеческий сын выслушал, как и что случилось, и говорит:

— Не плачь, сестрица! Я сам знаю, что ты не виновна, и хоть батюшка не велел принимать никаких оправданий, а все-таки казнить тебя не хочу. Лучше соберись ты и ступай из отцовского дома куды глаза глядят; бог тебя не оставит!

Купеческая дочь не стала долго думать, собралась в дорогу, простилась с братцем и пошла, куда — и сама не ведает. А её брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повёз к отцу. Отдаёт ему собачье сердце:

— Так и так, — говорит, — по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу.

— А ну её! Собаке собачья и смерть! — отвечал отец.

Долго ли, коротко ли блуждала красная девица по белому свету, наконец зашла в частый, дремучий лес: из-за высоких деревьев чуть-чуть небо видно. Стала она ходить по этому лесу и случайно вышла на широкую поляну; на этой поляне — белокаменный дворец, кругом дворца железная решётка. «Дай-ка, — думает девица, — зайду я в этот дворец, не все же злые люди, авось худа не будет!» Входит она в палаты — в палатах нет ни души человеческой; хотела было назад повернуть — вдруг прискакали на двор два сильномогучие богатыря, вошли во дворец, увидели девицу и говорят:

— Здравствуй, красавица!

— Здравствуйте, честные витязи!

— Вот, брат, — сказал один богатырь другому, — мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; а бог нам сестрицу послал.

Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою; потом вынули острые сабли, уперли друг дружке в грудь и положили такой уговор: «Если кто из нас посмеет на сестру посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею».

Вот живёт красная девица у двух богатырей; а отец её закупил заморских товаров, воротился домой и немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце; загляни в зеркальце — тотчас узнаешь, где что делается. Раз как-то собрались богатыри на охоту и наказывают своей сестрице:

— Смотри же, до нашего приезда никого к себе не пущай!

Попрощались с нею и уехали. В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любится своей красотой и говорит:

— Нет меня в свете прекраснее!

А зеркальце в ответ:

— Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живёт у двух богатырей в дремучем лесу, — та ещё прекраснее!

Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушонку.

— На, — говорит, — тебе колечко; ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живёт моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: братец на память прислал!

Старуха взяла кольцо и отправилась, куда ей сказано; приходит к белокаменному дворцу, увидала её красная девица, выбежала навстречу — захотелось, значит, вестей попытать с родной стороны.

— Здравствуй, бабушка! Как тебя господь занёс? Все ли живы-здоровы?

— Живут, хлеб жуют! Вот братец просил меня про твоё здоровье проведать да прислал в подарок колечко; на, красуйся!

Девица так рада, так рада, что и рассказать нельзя; привела старуху в комнаты, угостила всякими закусками да напитками и наказала своему брату родному низко кланяться. Через час времени старуха поплелась назад, а девица стала любоваться колечком и вздумала надеть его на пальчик; надела — и в ту ж минуту упала мёртвая.

Приезжают два богатыря, входят в палаты — сестрица не встречает: что такое? Заглянули к ней в спальню; а она лежит мёртвая, словечка не молвит. Взгоревались богатыри: что всего краше было, то неожиданно-негаданно смерть взяла! «Надо, — говорят, — убрать её в новые наряды да в гроб положить». Стали убирать, и заприметил один на руке у красной девицы колечко: «Неужели так её и похоронить с этим колечком? Дай лучше сниму, на память оставлю». Только снял колечко — и красная девица тотчас открыла очи, вздохнула и ожила.

— Что с тобой случилось, сестрица? Не заходил ли кто к тебе? — спрашивают богатыри.

— Заходила с родной стороны знакомая старушка и колечко принесла.

— Ах, какая же ты непослушная! Ведь мы недаром тебе наказывали, чтоб никого без нас в дом не пускала. Смотри, в другой раз того не сделай!

Спустя несколько времени заглянула купчиха в своё зеркальце и узнала, что её падчерица по-прежнему жива и прекрасна; позвала старуху, дает ей ленточку и говорит:

— Ступай к белокаменному дворцу, где живёт моя падчерица, и отдай ей этот гостинец; скажи: братец прислал!

Опять пришла старуха к красной девице, наговорила ей с три короба разных разностей и отдала ленточку. Девица обрадовалась, повязала ленточку на шею — и в ту же минуту упала на постель мёртвою. Приезжают богатыри с охоты, смотрят — сестрица лежит мёртвая, стали убирать её в новые наряды и только сняли ленточку — как она тут же открыла очи, вздохнула и ожила.

— Что с тобой, сестрица? Али опять старуха была?

— Да, — говорит, — приходила старушка с родной стороны, мне ленточку принесла.

— Ах, какая ты! Ведь мы ж тебя просили: никого без нас не примамай!

— Простите, милые братцы! Не вытерпела, хотелось из дому вестей послушать.

Прошло ещё несколько дней — заглянула купчиха в зеркальце: опять жива её падчерица. Позвала старуху.

— На, — говорит, — волосок! Ступай к падчерице, непременно умори её!

Улучила старуха время, когда богатыри на охоту поехали, пришла к белокаменному дворцу; увидала её в окошечко красная девица, не вытерпела, выскочила к ней навстречу:

— Здравствуй, бабушка! Как тебя бог милует?

— Покуда жива, голубушка! Вот таскалась по миру и сюда забрела тебя провести.

Привела её красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату.

— Хорошо, — говорит старуха, — буду кланяться. А ведь тебе, голубушка, чай и в голове поискать некому? Дай-ка я поищу.

— Поищи, бабушка!

Стала она искать в голове красной девицы и вплела в её косу волшебный волосок; как скоро вплела этот волосок, девица в ту же минуту сделалась мёртвою. Старуха зло усмехнулась и ушла поскорей, чтобы никто не застал её, не увидел.

Приезжают богатыри, входят в комнаты — сестра лежит мёртвая; долго они вглядывались-присматривались, нет ли на ней чего лишнего? Нет, ничего не видать! Вот сделали они хрустальный гроб — такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; нарядили купеческую дочь в блестящее платье, словно невесту к венцу, и положили в хрустальный гроб; тот гроб поставили посерёд большой палаты, а над ним устроили балдахин красного бархату с бриллиантовыми кистями с золотыми бахромами, и повесили на двенадцати хрустальных столбах двенадцать лампад. После того залились богатыри горячими слезами; обуяла их великая тоска. «На что, — говорят, — нам на белом свете жить? Пойдём, решим себя!» Обнялись, попрощались друг с дружкой, вышли на высокий балкон, взялись за руки и бросились вниз; ударились об острые камни и кончили свою жизнь.

Много-много годов прошло. Случилось одному царевичу на охоте быть; заехал он в дремучий лес, распустил своих собак в разные стороны, отделился от охотников и поехал один по заглохшей тропинке. Ехал-ехал, и вот перед ним поляна, на поляне белокаменный дворец. Царевич слез с коня, взошёл по лестнице, стал покои осматривать; везде уборы богатые, роскошные, а хозяйской руки ни на чём не видно: всё давным-давно покинуто, всё запущено! В одной палате стоит хрустальный гроб, а в гробу лежит мёртвая девица красоты неописанной: на щеках румянец, на устах улыбка, точь-в-точь живая спит.

Подошёл царевич, взглянул на девицу, да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья — чудная, невиданная, какой во всем свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они по лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали — царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился — поцеловал мёртвую девицу и поехал назад.

— Ах, ваше высочество, где вы были? — спрашивают охотники.

— Гнался за зверем, да немного заплутал.

На другой день чуть свет — царевич уж на охоту собирается; поскакал в лес, отделился от охотников и тою же тропинкою приехал к белокаменному дворцу. Опять целый день простоял у хрустального гроба, глаз не сводя с мёртвой красавицы; только позднею ночью домой воротился. На третий день, на четвёртый всё то же, и так целая неделя прошла. «Что это с нашим царевичем подеялось? — говорят охотники. — Станемте, братцы, за ним следить, замечать, чтобы худа какого не случилось».

Вот поехал царевич на охоту, распустил собак по лесу, отделился от свиты и направил путь к белокаменному дворцу; охотники тотчас же за ним, приезжают на поляну, входят во дворец — там в палате хрустальный гроб, в гробу мёртвая девица лежит, перед девицей царевич стоит.

— Ну, ваше высочество, недаром вы целую неделю по лесу плутали! Теперь и нам не уйтить отсюда до вечера.

Обступили кругом хрустальный гроб, смотрят на девицу, красотой её любуются, и простояли на одном месте с утра до позднего вечера. Когда потемнело совсем, обратился царевич к охотникам:

— Сослужите мне, братцы, великую службу: возьмите гроб с мёртвой девицей привезите и поставьте в моей спальне; да тихомолком, тайно сделайте, чтоб никто про то не узнал, не проведал. Награжу вас всячески, пожалуйю золотой казною, как никто вас не жаловал.

— Твоя воля жаловать; а мы, царевич, и так служить тебе рады! — сказали охотники, подняли хрустальный гроб, вынесли на двор, устроили на лошадях и повезли в царский дворец; привезли и поставили у царевича в спальне.

С того самого дня перестал царевич и думать об охоте; сидит себе дома, никуда из своей комнаты не выходит — всё на девицу любит. «Что такое с

нашим сыном приключилось? — думает царица. — Вот уж сколько времени, а он всё дома сидит, из своей комнаты не выходит и к себе никого не пускает. Грусть-тоска, что ли, напала, али хворь какая прикинулась? Дай пойду посмотрю на него». Входит царица к нему в спальню и видит хрустальный гроб. Как и что? Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле.

Заплакал царевич, пошёл в сад, нарвал чудесных цветов, принёс и стал расчёсывать мёртвой красавице русую косу да цветами голову убирать. Вдруг выпал из её косы волшебный волосок — красавица раскрыла очи, вздохнула, приподнялась из хрустального гроба и говорит:

— Ах, как я долго спала!

Царевич несказанно обрадовался, взял её за руку, повёл к отцу, к матери.

— Мне, — говорит, — бог её дал! Не могу жить без неё ни единой минуты. Позволь, родимый батюшка, и ты, родная матушка, допусти жениться.

— Женись, сынок! Против бога не пойдём, да и такой красоты во всём свете поискать!

У царей ни за чем остановок не бывает: в тот же день честным пирком да и за свадебку.

Женился царевич на купеческой дочери, живёт с нею — не нарадуется. Прошло сколько-то времени — вздумалось ей поехать в свою сторону, отца с братцем навестить; царевич не прочь, стал у отца проситься.

— Хорошо, — говорит царь, — поезжайте, дети мои любезные! Ты, царевич, отправляйся сухим путём в объезд, осмотри этим случаем все наши земли и порядки узнай, а жена твоя пусть на корабле плывёт прямым путём.

Вот изготовили корабль к походу, нарядили матросов, назначили начального генерала; царевна села на корабль и вышла в открытое море, а царевич поехал сухим путём.

Начальный генерал, видючи прекрасную царевну, позавидовал её красоте и начал к ней подольщаться; чего бояться, думает, — ведь она теперь в моих руках, что хочу — то и делаю!

— Полюби меня, — говорит он царевне, — коли не полюбишь — в море выброшу!

Царевна отвернулась, не даёт ему ответу, только слезами заливается.

Подслушал генеральские речи один матросик, пришёл к царевне вечером и стал говорить:

— Не плачь, царевна! Одевайся ты в моё платье, а я твоё надену; ты ступай на палубу, а я в каюте остануся. Пусть генерал меня в море выбросит — я того не боюсь; авось справлюся, доплыву до пристани: благо теперь земля близко!

Поменялись они платьем; царевна пошла на палубу, а матрос лёг на её постель. Ночью явился в каюту начальный генерал, схватил матроса и выкинул в море. Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега. Корабль пришёл к пристани, стали матросы сходить на землю; сошла и царевна, бросилась на рынок, купила себе поварскую одежду, нарядилась поварёнком и нанялась к своему родному отцу на кухне прислуживать.

Немного спустя приезжает к купцу царевич.

— Здравствуй, — говорит, — батюшка! Принимай-ка зятя, ведь я на твоей дочке женат. Да где ж она? Аль ещё не бывала?

А тут начальный генерал с докладом является:

— Так и так, ваше высочество! Несчастье случилось: стояла царевна на палубе, поднялась буря, началась качка, голова у ней закружилась — и мигнуть не успели, как царевна свалилась в море и потонула!

Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротишь; видно, такова судьба ей назначена! Погостил царевич у своего тестя несколько времени и велел своей свите к отъезду готовиться; купец на прощанье задал большой пир; собрались к нему и купцы, и бояре, и все сродники: были тут и родной брат его, и злая старуха, и начальный генерал.

Пили, ели, прохлаждались; один из гостей и говорит:

— Послушайте, господа честные! Что всё пить да пить — с того добру не быть; давайте-ка лучше сказывать сказки.

— Ладно, ладно! — закричали со всех сторон. — Кто же начнёт?

Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть? Отозвался тут купеческий приказчик:

— Есть у нас на кухне новый поварёнок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видывал и такой мастер сказки сказывать — что на поди!

Купец позвал того поварёнка.

— Потешь, — говорит, — моих гостей!

Отвечает ему поварёнок-царевна:

— Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?

— Сказывай бывальщину!

— Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьёт, того чумичкой в лоб.

Все на это согласились. И царевна начала рассказывать всё, что с нею самой случилось.

— Так и этак, — говорит, — была у купца дочь; поехал купец за море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на её красоту и не даёт ей ни минуты покою...

А дядя слышит, что речь про него идет, и говорит:

— Это, господа, неправда!

— А, по-твоему неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!

После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила, — и старуха и мачеха в один голос закричали:

— Вот вздор какой! Этого быть не может.

Царевна ударила их по лбу чумичкою и стала рассказывать, как она лежала в хрустальном гробе, как нашёл её царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

Генерал смекнул, что дело-то не ладно, и просится у царевича:

— Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!

— Ничего, посиди немножко!

Стала царевна про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел.

— Всё это, — говорит, — неправда!

Царевна его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу:

— Я-де не поварёнок, я — твоя законная жена!

Царевич обрадовался, купец — тоже; бросились они обнимать, целовать её; а потом принялись суд судить; злую старуху вместе с дядею на воротах расстреляли, мачеху-волшебницу к жеребцу за хвост привязали, жеребец полетел в чистое поле и разнес её кости по кустам, по яругам; генерала царевич сослал на каторгу, а на его место пожаловал матроса, что царевну от беды спас. С того времени жили царевич, его жена и купец вместе — долго и счастливо.